

Левая альтернатива: возможности для новых идеологических решений

В конце июля в «Платформе» при поддержке РАСО прошла **дискуссия о левом движении в России**. К открытой полемике приглашались все, кто готов представить и отстаивать свою позицию по вопросам:

- источники и смысл запроса на левые силы
- адекватный ответ: лидеры, структуры, коммуникации
- чем заблокирована левая альтернатива
- цели, идейная платформа, практики

Участники:

Алексей Ананченко, историк, МГПУ, Институт истории и политики

Михаил Виноградов, политолог, регионовед, Фонд «Петербургская политика»

Елена Жукова, политолог, РГГУ

Михаил Ковалев, политический эксперт

Антон Наумук, издатель общественной литературы, Праксис, Скимень

Виталий Седнев, политтехнолог, социолог

Дмитрий Серегин, логик, Платформа

Алексей Фирсов, философ, социолог, Платформа

Мария Червонцева, социолог, ВЦИОМ,

Алексей Шутов, директор организации Промфронт

Предлагаемое резюме дискуссии воспроизводит ее ключевые проблемные блоки. Сохранена логика движения через столкновение позиций к контурам левой платформы. Отказ от авторизации реплик служит компактной передаче смыслов.

РАМОЧНЫЙ КОНСЕНСУС

(включает тезисы, не встретившие принципиальных возражений в ходе дискуссии)

- Коренной мотив левой позиции – защита человека, подавляемого доминирующими социальными силами.
- Идеологический нерв – социальный «переворот»: система для человека, а не человек для системы. Левый мотив обостряется с расширением зоны социального страдания.
- Нет диалога между низовым социальным запросом – и «левой» интеллектуальной платформой. Разрыв усугубляется модой на «левизну» и эстетикой хэппенинга.
- Системные партии на ухудшение жизни населения чаще отвечают социальной риторикой, организованные политические акции эпизодичны, инерционны (следуют за повесткой, а не формируют ее) и выполняют роль социального «градусника».
- Политическое руководство на развилке: разгрузка государства от социальных обязательств или системная социальная политика.
- Легитимизация стратегического выбора требует публичной конкуренции правой/левой альтернатив за поддержку общества, а значит – ясного целеполагания, понятных платформ, коммуникации с обществом и яркого лидерства.
- Запрос на левую силу объективен: «снизу» его вызывает массовое падение уровня жизни, «сверху» – потребность обосновать стратегический выбор волей общества. Проблематичнее всего вопрос об эффективном лидерстве.
- Ситуация на правом фланге тоже сложная. Правые имеют свои институциональные твердыни, финансовый ресурс. Но

их поддержка в обществе минимальна

РАБОТАЕТ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЛЕВОЕ/ПРАВОЕ?

Идеология сошла на ноль. Говоря о левых, мы обращаемся к классическим понятиям и пытаемся оттолкнуться от существующих политиков и политических сил, чтобы найти «настоящих» левых. Экспертам такая система координат удобнее. Но идеологии почти не существует. Люди не видят потребности надолго объединяться вокруг идей, выходящих за рамки их прикладного осмысления рутинной жизни. Люди готовы только на тактические акты солидарности. Левое движение сегодня – это скорее трансформер, собираемый по частям и повесткам.

Действовать по ситуации. Деление на левое и правое – давно уже просто шоры, мешающие действовать под задачу. Реальная задача всегда точечна, удачный пример – борьба с точечной застройкой. С правых позиций она ведется или с левых – это абстрактные, запутанные вопросы. Волнующая людей проблема – конкретна, воткнут им во двор еще один дом или они отобьются.

Оседлать гражданский протест. Гражданская активность растет, когда гражданам есть что терять. Она сегодня больше свойственна беднеющему среднему классу. Его протест кажется «левым» – он против наступления на права населения. Но двигает он ситуацию «вправо» – к либеральным свободам. Идейный синкретизм включает в свою орбиту гражданский протест как таковой. Поэтому он работает лучше, чем просто прицел на «левый электорат».

«Микс» сдвигает фокус вправо. Попытка покрыть любой гражданский протест действительно ведет к правому сдвигу. Это же легко видеть, в фокусе оказываются интересы комфортности жизни. А уходит из фокуса – жизненная боль полузабытых, но реальных людей.

Политически поляризация неизбежна. Политика – это искусство создавать виртуальные полюса: «свой», притяжения – и «чужой»,

отталкивания. Если между ядерными идеями («полюсами») начинается распределение людей, значит, они работают. Этих идейных полюсов не было, пока их никто не формулировал.

«Правое/левое» – удачная маркировка. «Право» и «лево» – одна из простейших оппозиций. У нее свои свойства. Она горизонтальна, то есть избегает отношений подчинения («верх/низ»). И она симметрична, отклоняя разделение на ведущего и ведомого («спереди/сзади»). Тут два сапога пара. Если полемика, то равных сторон. Модель «право/лево» сигнализирует, что мы находимся в контуре демократии (в широком смысле слова). Это важнее тонких дефиниций «правого» и «левого».

ГДЕ ЛЕВЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО?

Левая идея привлекательна лучшим будущим. Сила марксизма была в обосновании неизбежного прихода лучшего общества. Оно принципиально человечнее настоящего, в нем забьется «сердце бессердечного мира».

Сегодня левые ведут в прошлое. В России левое требование – восстановить социальную сферу руками государства, повторив советский проект. Объединяющий лозунг для левого спектра – отстоять остатки социальных завоеваний от полного уничтожения.

Идет искусственная невротизация будущего. Рефлексии о будущем препятствует внутреннее табу, стимулирующее интерес к прошлому. Это искусственные блоки в интересах манипуляции. Интерес навязывается сериалами, теле-шоу и т.д. На самом деле народ интересуется будущим своих детей. Но идеал будущего не транслируется, остается искать его в прошлом.

Нет, эти блоки поставлены историческим опытом. Пропаганда сверху идет, но она не противоречит низовым ощущениям. Никого не надо загонять в прошлое. Советские эксцессы, а также память о 1991, 1993, майдане –закрепили блок на идею «переворота», страх в крови.

Не только левые. У всех партий образ будущего – это разные версии прошлого. Они показывают народу историческое кино, не выполняя своих прямых функций – объединение общества под актуальные задачи.

ИДЕОЛОГИЯ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ. МОЛОДЕЖЬ

Разрыв «высокой» теории и низового движения. Левые интеллектуалы ищут мысли, а не власти. Их теории характеризуются через «пост-пост-марксизм», все дальше отодвигая от народных движений на земле. Народ ищет решения своих проблем, а не высоты мысли. Нет площадки диалога, где они могли бы выработать общий политический язык и сблизить позиции.

Нет адекватного языка левого действия. Современный интеллектуальный базис не освоен большинством политиков, причисляющих себя к левому спектру. Левые говорят языком и символами прошлого. У этого языка узкий рынок сбыта, и он не растет. Как только Грудинин коснулся темы Сталина на президентских выборах, значимая часть аудитории от него отшатнулась, озвучив свою позицию публично. Причем тему Сталина брать было совершенно необязательно, но вроде как это традиция у коммунистов.

Стилизация вместо политического действия. Левая фронда всегда модна у золотой молодежи, но взросление оденет их в «думские» пиджаки. Стиль «новых левых» эстетизируется и вписывается в модные практики: сокращение личного потребления, «пользуйся, а не владей». Причем демонстративная левизна ни к чему не обязывает, например, не требует перераспределения контроля над активами. Это может быть очень богатый человек.

Так сделаем эстетические выводы. Если эстетика победила этику, сила должна быть внешне привлекательной. А визуальная упаковка левых непривлекательна. Она затрудняет привлечение новых аудиторий и давно начала смущать приверженцев. Упаковка должна быть современной, опираться на современные тренды, условный

«левый» мейнстрим.

«Антипотребительский» мейнстрим – подкуп обедневшего среднего класса. Феномены типа каршеринга стремительно распространяются. Их часто считают левым «протестом» против общества потребления. Но это заблуждение. Создавая иллюзию доступа к благам, определявшим лицо среднего класса, они лишают его энергии. На деле это отражает инфантилизм – очередную версию социального патернализма.

Молодежный инфантилизм – не политичен. В молодежных выступлениях нет запроса на вход во власть. У молодежи есть запрос на уличный бунт в формах хэппенинга. Точно так же «левая» мысль для многих молодых людей – это только игра в бесконечное продление детства.

Позиция молодежи сложнее. Часть образованной молодежи склоняется к либертарианству, которого народ не воспримет, даже если услышит. Но основная часть студентов с левыми симпатиями ближе к социал-демократии. Это видно из того, как они описывают предпочтительную политическую программу или идеального лидера.

Дефицит осмысления неудач. Для апгрейда левой идеологии не хватает рефлексии над неудачами. Фундаментальное поражение левого проекта в 20 веке (СССР, Коминтерн) имело и внутренние причины. Левым необходимы «глаза» – для понимания нашего места в истории. Тогда может появиться и «образ» будущего.

ЛЕВЫЙ БАЗИС. НИЗОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Запрос на левое действие – в глубинке. Это зона социального бедствия, где исчерпаны ресурсы адаптации, экономия на еде и детях – это предел. Получение пенсии для многих домохозяйств – единственный стабильный источник дохода. Отсюда шок, вызванный законопроектом о пенсиях.

Там патерналисты, от них нельзя ждать действия. Эмпирически, чем глубже социальное бедствие, тем ниже политическая

активность масс. В провинции не хотят новую политическую силу и переворот, а хотят переориентировать существующую власть и систему на патернализм.

Их действия невидимы. У народа нет иллюзий относительно патерналистских устремлений власти. Как мы узнаем об акциях (пример – перекрытие Транссиба в Чулыме), если их нет в соцсетях, а без сетей они невидимы. Социальное несуществование живых людей и их страданий – современно звучащий левый мотив.

Основа – низовая солидарность. Разве только баррикады – левый протест? В мегаполисах гораздо более серьезно гражданское неповиновение. А на земле востребована низовая солидарность и взаимопомощь. Кто станет строить низовые сети взаимопомощи, соберет низовую энергию возрожденного коллективизма. Для власти это будет сначала безопасно и даже полезно, а через какое-то время станет поздно.

Организаторы действия – региональные отделения. Они лучше вписаны в реальную повестку, активисты инициативно работают в массах. «Пенсионный» шок заставил нищающую провинцию задуматься, вызвал колоссальные страхи и резко изменил низовую повестку. Но пока не привел к политическим выводам. Вопрос – в моменте, когда это произойдет. Это момент для перехвата политической инициативы с резким расширением электоральной базы. Идеи будут распространяться каскадно.

Раскол оздоровит системные партии. В России есть здоровая традиция партийного раскола. Возможно формирование новых структур на базе региональных отделений. Они уже сами вырабатывают позицию и методы в статусе полуавтономных протопартий. Опасность для системы в случае их блокирования – рост экстремизма.

Нужно накопить практический опыт. Начать с местных органов власти, а с этим опытом двигаться выше. Идеология должна войти в контакт с реальным запросом, сосредоточиться на практиках. Нужна идти взаимная коррекция между идеями и практикой. Но

основная цель – улучшение положения народа – должна сохраняться.

ПОТЕНЦИАЛ ДАВЛЕНИЯ СЛЕВА

Выиграть выборы. В обществе есть запрос на левые идеи и силы, способные их реализовать. Поэтому у них есть электоральные перспективы. Электоральная база в России – левая (с 2003 в ГД ни одной правой партии).

Это еще не власть. Процесс формирования власти не равен электоральному процессу. Встает вопрос о потенциале реального влияния на ситуацию.

Оказывать давление слева. Скорее, функция и задача левого движения сегодня – прессинг, полезный уже тем, что мешает однозначно правому выбору, который ухудшит положение народа. Имея большинство в парламенте, можно заблокировать антинародные законы. Имея 1 млн чел на улицах Москвы, можно оказывать давление на принятие решений.

Давления мало, нужна программа. Одержав электоральные победы, на какой экономической платформе, с какими политическими последствиями и в чьих интересах левые распорядятся властью?

ЛЕВЫЕ И ИСТЕБЛИШМЕНТ

Дефицит качественного госменеджмента – пружина роста левых настроений. Накопление проблем в социально-экономической сфере (с 2014 падает уровень жизни, Росстат: падение – 11%, население недополучило 5 трлн руб), но так и нет решений. Здесь пружина давления на власть слева. Давление на власть – инструмент коррекции, доступный обществу. По большому счету, он выгоден власти: теряя опору вовне, она нуждается во внутренней опоре с устранением моментов, мешающих ее обрести.

А с другой стороны – дефицит политического продуцирования ослабляет давление. Левым не хватает профессионализации политической деятельности. Успешный левый проект – не фанатик,

не энтузиаст и не пассионарный гений-герой. Побеждает продюсерская машина, которая делает из политика с хаотическим набором логик – боевой аватар маркетинга, руководимый строгой иерархией задач и рисков. На рынке нет политических продюсеров. И никто профессионально не учится ораторскому мастерству. Самый недорогой ресурс – харизма яркого трибуна – не используется. Риторический опыт набирается каждым самостоятельно и разбивается однажды о сильного соперника. Нет спикера, которого заслушаешься. И главное, которого хочется услышать. Нет ни предложения, ни спроса на рынке.

Вопрос об интеграции во власть. Внедрить левых во властные структуры? Считать это решением мешает адаптивность (оппортунизм) человека с «перерождением» в новой социальной среде.

Массовый протест или элитный проект? Левое движение в глазах истеблишмента имеет перспективы, если истеблишмент увидит в нем серьезный проект. Тогда он вложит ресурсы для его инструментализации. Риск в отсечении задач, волнующих низовых участников движения.

ПОРТРЕТ ЛЕВОГО ЛИДЕРА

Роль лидерства. Напрасно ожидать появления энергичной вождистской фигуры «ленинского» типа. Эти ожидания – ностальгический реликт. Полностью изменилась структура коммуникаций. Активизм «онлайн» не выглядит абсурдным в глазах «сетевых» поколений, вертикальное подчинение встречает все меньше понимания, жесткая идеология рассыпется в сети на афоризмы и мемы. Новые левые лидеры – сегодня это скорее условные риторические «убийцы» – блогеры, и уж никак не депутаты-политики из системных партий.

Сетевой лидер. Чтобы направлять сетевые группы к общим целям, поставлять популярные идеи и побуждать к действию, нужен новый тип лидера. Его личная харизма поддержана популярной стилистикой и авангардными технологиями коммуникаций (более

удобными, быстрыми и глубже защищенными).

Всё наоборот: все – в онлайн. Элементарная отслеживаемость сетевых коммуникаций держит всю группу под колпаком и облегчает нейтрализацию лидерских фигур. Поэтому возможности офлайн коммуникации нельзя сбрасывать со счетов. Скорее наоборот, антисистемное действие – вне интернета в основной своей части. Сети можно доверить только оповещение, при условии запрета на реакцию (даже лайки). Стоит учесть и потенциал цифровых технологий – возможность создания сетевых роботов-двойников. Программирование двойника способно сделать избыточной перевербовку лидера. А люди должны знать, что их ведет человек, а не подсадной робот.

«Вывести людей»? Подсчеты числа людей, выведенных на митинг, проходят мимо измерения более важного эффекта – числа людей, которые оказались в курсе дела, отнеслись к нему с сочувственно, станут обращать внимание на развитие событий и общественной полемики, но в конкретный день и час не смогли выйти на площадь. Группы пассивной поддержки количественно растут и могут на порядок превосходить число вышедших на улицы. Потенциал действия может накапливаться во внешне пассивных группах, чтобы лавинообразно активироваться в малопредсказуемый момент, парализуя реакцию «ниоткуда» возникшим массовым движением.

Общая задача. Конвертировать потенциал привлекательных идей, политического акционизма и низовой солидарности – в пакет позитивных трансформаций для воздействия на правящие группы. Для этого лидер должен иметь связи с истеблишментом, но не выглядеть управляемым «сверху».

Каков он? Молод (идет смена поколений), из регионов (связь с интересами масс), способен выстраивать сети многосторонних коммуникаций с обратной связью, достаточно образован для самостоятельной интеллектуальной работы (востребован идейный прорыв на левом поле).

«Образно». До начала 1950-х годов физики воспринимались как чудики в очках. Но начался ядерный проект, и пришли молодые, стриженные, собранные и опасные, т.к. они имели отношение к ядерному оружию. Инструменты изменения будущего – такое же «ядерное оружие», они взрывоопасны и требуют уверенного владения.

Ключевая фигура – коммуникатор. Нужен взаимный перевод между тремя локациями – парламентской, уличной и сетевой. Из среды лидеров коммуникаций вырастет политическая фигура, которая возглавит движение. Возможно, равнозначный управляющий уровень образует своего рода «внутренняя сеть» полуанонимных харизматиков (с функциями мобилизации сообществ, генерации идей и моторизации практик).

СОЮЗЫ

Этическая природа протеста в России. У нас повод для волнений – резкое разделение на «добро» и «зло». «Зло» явило свое лицо – и активировало полюс «добра». Несмотря на риск, люди иррационально обнаруживают себя на площади. Начинать нужно с вопроса «Что есть добро?».

Левые и либералы. Если добро – защита страдающего человека, возможна взаимная поддержка групп, отстаивающих человечность, каждая в своей локации: за интересы трудящихся, за доступ к науке, образованию и культуре, за независимое правосудие без репрессий и пыток.